Письмо XI

Четтенден. Октябрь.

Я редко сажусь за эти письма, не чувствуя себя в нравственном отношении весьма похожим на путешественника, пробирающегося темной ночью через неизвестные ему просеки и чащи дремучего незнакомого ему леса; не такое ли мое странное положение среди всех этих таинственных призраков, так густо населяющих атмосферу старой фермы? Подобно этому путнику, пользуясь мерцанием звезд, слабо освещающих тропу передо мною, я то следую по ней храбро и ободренный новой надеждой, то, попав в непроходимую трущобу, снова принужден пробираться ощупью; все чувства мои находятся в непрестанном напряжении между опасностью наткнуться на неизвестных врагов и боязнью попасть в невылазное провалье. Как тем же путником, мною овладевает часто необъяснимый, невольный страх, предчувствие чего-то неожиданного, таинственного, но, как и его, меня поддерживает всё время надежда счастливо достичь, наконец, до окраины леса. Но всё-таки меня постоянно мучит мысль, что в инвестигации подобного рода человек может не только поддаться сам самообольщению чувств, но ввести в такое же заблуждение и другого, имеющего к нему полную доверенность и полагающегося на его проницательность. Я обязан привести здесь этот факт, дабы, открыв перед читателями моими все сокровенные мысли души моей в отношении столь трудной обязанности, возложенной на меня, они поняли бы, что я далеко не почиваю здесь «на розах»[1]. Какое несчастье, что в этом факте о сообщениях земных жителей с обитателями другого мира истина до такой степени перемешана с ложью; что наблюдение за этими феноменами находится большей частью в руках людей необразованных, нечестных и весьма часто не только недобросовестных, но даже распутных; что самое отвратительное плутовство и обман выпадают на долю честных исследователей и что из-за денег медиумы так часто осмеивают самые священные чувства душ наших, играя с нашими самыми дорогими воспоминаниями! Но ответственность за это должна прямо пасть на людей науки, которые легко могли бы открыть, когда бы захотели[2], фундаментальный закон, на который опираются все эти явления, но они не хотят и таким образом предоставляют нас в полное распоряжение шарлатанов или же энтузиастов и дают им все шансы дурачить нас и надувать, доколе мы сами, не купив дорогой ценою собственного опыта способность отличать истину от подражания, заставляем их затем прибегать к позднему действию. Если это правда, что все медиумы более или менее прибегают к обману, когда сила их временно покидает, то тем более ученые нравственно *обязаны* взяться за систематические расследования, дабы, не теряя времени, открыть условия, необходимые для распознавания фальшивых от настоящих феноменов.

Трусость наших ученых мудрецов была во все времена от самого возрождения современного спиритуализма почти настолько же очевидной, как и слепая ярость духовенства. Первые не осмеливались браться за исследования, которые могли бы навлечь на них порицание невежественных масс; вторые объявляли постоянно дьявольскими, если не тривиальными, целые ряды феноменов, которые, если они истинные, должны сделаться в скором времени последним убежищем церкви от разрушительных подкапываний саперов науки. Если бы оба этих лютых врага спиритуализма соединили бы вместе свои силы двадцать семь лет тому назад в терпеливом и тщательном расследовании этих духовских феноменов, то тайны оных давно уже, быть может, перестали бы быть для всех нас тайнами, и публика была бы ограждена, по крайней мере, по большей части от бессчетных фокусов и плутней недобросовестных медиумов. Профессор Роберт Геер (имя, упомянутое мною выше), ученый, которому принадлежит первому честь открытия кислородно-водородной паяльной трубки[3], и один из известнейших химиков своего времени, признал обязанность, выпавшую ему на долю, и провел несколько лет в постоянных розысках, опытах и исследованиях спиритуализма. Результатом последних явилось обращение ученого в веру духов. Сослуживцы его вместо похвалы, вполне заслуженной им, соединились против него,

[1] Далее зачеркнуто: здесь.
[2] Далее зачеркнуто: того.
[3] Р.Хаэр изобрел кислородно-водородную горелку.

называя его помешанным, идиотом и визионером, и как стая голодных волков преследовала его до конца дней, ускорив его смерть, по словам очевидцев, «на много лет».

Точно таким же образом поступают они теперь и в отношении к Круксу, Уолласу, Варлею и многим другим добросовестным ученым Старого Света. То же делали в свое время и прототипы их с Колумбом, Галилеем[4], Гарвеем[5], Фаустом[6] и всеми подобными им великанами, если могу так выразиться, которые, глядя на толпу через головы[7], заставляли людей чувствовать поневоле их собственный мизерный рост. Мелочная зависть порождает ненависть, ненависть – лукавство, лукавство – жестокость. До тех пор пока ученые не исследуют феномены эти вполне и безошибочно и не объявят окончательных результатов своих во всеуслышание, то нечего нам тратить времени, обвиняя медиумов в шарлатанизме.

Давно уже стало замеченным обычными посетителями сеансов у Эдди, что появление и поведение Хонто вполне предвещало хорошие, как и дурные, результаты сеансов и общий вид манифестаций, которых следовало ожидать в тот вечер; если Хонто деятельна и движения ее живы, то появление последующих духов должно быть хорошо как по числу призраков, так и по качеству феноменов; если дух индианки кажется вялым, то и сеанс оказывается таким же. Простым выводом вышесказанного является, конечно, то, что Хонто, как и все остальные духи, подчинена одним и тем же законам, управляющими случайностями феноменов, а не то,[8] как полагают фанатики этой веры, что ее состояние отражается на подобных ей призраках, влияя таким образом на их силу в материализации.

На второй вечер приезда моего Хонто была снова первым явившемся духом и оставалась с нами более четверти часа. Мр Притчард и мрс Клевеланд занимали свои обыкновенные места на платформе, и Хонто плясала с последней в самом веселом расположении духа, балансируя, приближаясь, отдаляясь и переворачивая старую леди с такой быстротой, что у той, по ее словам, закружилась голова. Вся душа призрака, казалось, перешла в ее ноги. Затем она стала танцевать одна; перегибая стан, как змея, она качалась со стороны на сторону, извиваясь и мелькая перед зрителями каким-то бешеным метеором, и, наконец, перегнулась назад, касаясь головой почти до пола; обвив грациозно руками голову, она исполнила этот трудный *pas de ballet*[9] с полдюжины раз; после чего она стала выделывать самые необыкновенные штуки ногами; я положительно могу сказать, что даже самой навеки знаменитой Таллиони[10] было бы трудно успевать следить за Хонто в этот вечер, и после этого есть такие ослы, которые принимают Хонто за переодетого Уиллиама!

В этот сеанс индианка несколько раз приближала лицо свое к Притчарду и мрс Клевеланд на несколько вершков[11] от их глаз, дабы лучше дозволить рассмотреть черты свои, и заставила старушку стать с нею спиной к спине, чтобы помериться ростом. Живая женщина оказалась 5 ф[утов] и 5 дюйм[ов][12], а призрак был почти целой полголовой ниже ее. Юбка ее платья была только до колен в тот вечер, поэтому я убедился выше всякого сомнения, долго и тщательно разглядывая ее стройные маленькие ноги, что они далеко не были ногами мужчины, сгибавшего колена свои, дабы уменьшить рост.

Появление молодой женщины с ребенком на руках последовало тотчас же по исчезновении Хонто за занавесом и вызвало сцену патетической нежности. Пока глаза не привыкнут совершенно к полусвету большой залы, если кто не сидит возле самой платформы, то с первого взгляда трудно различить черты являющихся лиц, и появление каждого нового духа обыкновенно вызывает вопросы вроде следующих: «Не для меня ли? Не ко мне ли?» и тому подобные; впрочем,

---

[4] Галилео Галилей (1564–1642) – итальянский физик, механик, астроном, философ, математик. При жизни был известен как активный сторонник гелиоцентрической системы мира, что привело Галилея к серьезному конфликту с католической церковью.

[5] Уильям Гарвей (1578–1657) – английский врач, основоположник физиологии и эмбриологии.

[6] Иоганн Георг Фауст (ок. 1480–1540) – немецкий полулегендарный бродячий доктор.

[7] Далее зачеркнуто: их.

[8] Далее зачеркнуто: что.

[9] балетное па (*фр.*).

[10] Мария Тальони (Taglioni, 1804–1884) – итальянская балерина.

[11] Вершок – старорусская единица измерения длины, равная 4,45 см.

[12] 1,65 м.

это бывает только в случае, если призраки не заговаривают первые, а в этом случае[13] дух был, вероятно, тотчас же узнан, так как[14] по появлении его раздался раздирающий душу женский вопль, полурадостный, полугорестный, за которым последовал вопрос, сделанный дрожащим от волнения голосом: «Это… это ведь мой бэби[15]?.. Не мой ли… мой… Чарли?» Призрак молодой женщины улыбнулся и, наклонив голову, утвердительно подошел к самым перилам, протягивая ребенка к матери для признания. Послышалось рыдание, стон и затем полились фразы чисто материнской нежности: «Мой ангел!.. Дитя мое! Радость моя!», и бедная мать не могла уже произнести ни слова более, до такой степени рыдания ее заглушили голос.

Эта сцена уступила место другой в подобном же роде. Немецкая еврейка, сидевшая близ меня, надоедала мне весь вечер вопросами, когда неожиданно явился ко мне на помощь благодетельный призрак. Занавесь отшатнулась, и на пороге показалась девочка лет двенадцати в светлом платье и с длинными черными волосами, зачесанными назад. Переполненная блаженством, мать излилась целым потоком немецко-жидовских[16] фраз, перемешанных с самыми удивительными гортанными звуками, на что счастливый маленький дух радостно отвечал на родном языке. Жидовка чуть не повалилась мне в объятия в обмороке в избытке материнского счастья.

В этот вечер к нам явилось всего десять духов[17]: Хонто; мрс Карпентер, старая леди; мрс Эббей[18]; молодая женщина с ребенком Чарли; двое детей; немец по имени Авраам Алзбах[19], долго говоривший с сестрой своей по-немецки; молодая девушка с голубыми глазами и длинными белокурыми локонами в белом газовом платье-декольте[20] с короткими рукавами и длинным, очень модным шлейфом – чрезвычайно красивый призрак; и очень дряхлая старушка, бабушка одного из зрителей.

На другой день фигуры семи индейцев и пяти *белых* посетили нас быстро один за другим, и были столь любезны, что даже дозволили себя мерить по нарисованным на стене футам. В надежде доискаться до чего-нибудь подозрительного между ростом медиума и всеми этим мужскими призраками я уговорил Эдди дозволить мне прибить по обеим сторонам двери куски белого коленкора в 7 фут[ов][21] длины с нарисованными на них огромными цифрами и черной краской – футами и дюймами. Подобная мера чрезвычайно как помогала мне немедленно проверять настоящий рост призраков по их появлении у дверей «кабинета». Но лучшим результатом оказалось то, что вся публика могла убедиться в том, что разница в росте[22] тех духов, которые выходили, стояли и прохаживались по платформе, оказывалась от $2^{\underline{x}}$ фут[ов] 1 дюйм[а][23] до 6 фут[ов] 3½ дюйм[ов][24]. К одной из этих двух крайностей принадлежал Сантум, виннебагский дух-великан, а к другой маленький белый призрак, который был до того слаб, что он был принужден опираться к косяку дверей. Я записал аккуратно промежутки между появлением четырех из десяти призраков и представляю их здесь:

От ухода духа	До появления духа	Промежуток времени. Минуты, секун[ды]
Сантума. Пола мужского, роста 6 ф[утов] 3½ д[юймов], одет в	Б.Робинзона. Пола мужск[ого], цвет лица белый, волосы	

[13] Далее зачеркнуто: так.
[14] Далее зачеркнуто: тотчас же.
[15] малыш (*англ.* baby).
[16] В XIX веке слово «жиды» широко употреблялось в русском языке в значении иудеи (исповедники иудаизма) и не несло отрицательных коннотаций.
[17] Далее зачеркнуто: всего.
[18] Abby.
[19] Abraham Alsbach.
[20] Далее зачеркнуто: и.
[21] 2,13 м.
[22] Далее зачеркнуто: ду.
[23] 0,64 м.
[24] 1,72 м.

индейское платье из оленьей кожи с красными бахромами. Краснокожий.	белокурые, рост 4 ф[ута] 9 дю[ймов][25], платье – европейский пиджак, белая рубашка, воротники и рукава, черный галстух.	1 – 45
Б.Робинзона.	Старой мрс Робертс (матери одной из зрительниц). Пола женского, цвет лица белый, волосы седые, лета – около 60, платье европейское.	1 – 50
Мрс Робертс.	Быстрого Облака. Пола мужск[ого], цвет лица краснокожий, волосы черные, рост 5 ф[утов] 10 дюй[мов][26], платье индейское – голубая верхняя одежда с желтыми перьями, корич[невое] исподнее платье, штиблеты из кожи, перья на голове.	2 – 35
Быстрого Облака.	Ребенка-мальчика, 6 лет, роста 2 ф[ута] 6 дю[ймов][27], платье европейца.	4 – 30

В эту ночь в доме случилось происшествие, которое сказалось серьезными последствиями своими, по крайней мере, для одной особы. Дом был наполнен посетителями, и Уиллиам Эдди за неимением лучшего предложил половину своей постели некоему мр'у Карпентеру из Малоны[28], Н[ью]-Й[орского] штата, джентльмену, который показался мне вместе и умным, и чистосердечным человеком и оказался к тому же путешественником, совершим кругосветное плавание. Уиллиам носил в то время усы, и они были у него очень длинными. В субботу оба ушли в спальную Уиллиама и легли спать; они еще разговаривали в постели, когда мр Карпентер почувствовал какое-то странное ощущение… которое я ему предоставляю описать самому:

«Читтенден. В[ермон]т. 21 сент[ября] 1874 [года][29].

Полковнику Олкотту.

Любезный сэр. По желанию вашему описываю подробно происшествие прошлой ночи.

Улегшись вместе с Уиллиамом Эдди в постель, мы разговаривали некоторое время, когда внезапно как бы прерванный на полуслове Уиллиам умолк. Легкая конвульсивная дрожь пробежала по всему телу его, и я услыхал возле уха – противоположного от Эдди – голос, который громко воскликнул: "Теперь уж я держу тебя крепко". Я спросил невидимого собеседника: "О ком ты говоришь?.. Обо мне?" Голос ответил: "Нет, об Уиллиаме". Тогда я спросил его опять: "Кто это? Мистер Морс[30]?" (намекая на духа). Голос ответил: "Нет, я Аза Перкинс[31]". И обращаясь, по-видимому, к медиуму, он продолжал: "Я научу тебя вперед, как держать меня целый день[32] возле себя, а потом не позволять мне материализоваться! Я на тебя положу такой знак, что ты меня долго не забудешь". Я спросил его встревоженно, что он хотел делать с Уиллиамом? И голос

[25] 1,45 м.
[26] 1,77 м.
[27] 0,76 м.
[28] Мэлоун (Malone).
[29] Понедельник.
[30] Morse.
[31] Asa Perkins.
[32] Далее зачеркнуто: у.

отвечал, смеясь: “Я ему сбрею половину усов и бороды с правой стороны… Теперь готово, пощупай”. Я пощупал Уиллиама, и к удивлению и великому смущению своему почувствовал, что вся сторона лица его, повернутая к стене, была гладко выбрита.

Дух исчез, попросив меня притвориться спящим и ничего не говорить Уиллиаму до утра. Тогда медиум вышел из “транса”, потянулся, зевнул и скоро заснул натуральным сном.

Утром Уиллиам встал и, одеваясь, мимоходом заглянул в зеркало; он ужасно рассердился и в гневе своем стал укладывать вещи свои, объявив решительное свое намерение уехать тотчас же в Нью-Йорк, взять первый пароход и отправиться с ним в Европу; он добавлял, что заедет так далеко, что его ни люди, ни духи не найдут, что ему жизнь опротивела через все эти постоянные преследования “умерших дураков”.

Мы успокоили его с великим трудом; с досады он стал даже плакать как дитя.

Бритва, единственная находящаяся в комнате, находилась в угловом шкафу, запертом на ключ, который находился, впрочем, в замке, и, конечно, для того, чтобы употребить ее, дух должен был материализоваться.

Готовый к услугам
Энри Карпентер».

Не диво, что медиум был не в духе после того в продолжение нескольких недель, так как подобная шалость духа не предвещала ему ничего хорошего в будущем; действительно, отдавшись уже «невидимым» раз навсегда в полное их распоряжение, он всё-таки не мог избегнуть даже преследования мимопроходящего poltergeist’a, а покровительствующие духи не брали на себя труда и защитить его. Бедный Уиллиам представлял поистине комическую фигуру с половиной лица своего, гладко выбритого, пока он не сбрил и остального; он страшно негодовал на Карпентера, зачем тот не разбудил его.

Погода в понедельник вечером была великолепная; луна ярко освещала окрестности, на дворе было тепло и тихо. Восемь духов явились в тот вечер – четыре индейца и четыре белых. Хонто вышла, по обыкновению своему, первая и прошла через все свои знаменитые фокусы, как материализование шалей, кусков полотна, кружев, белых, черных и серых, и пляски. Она подошла к краю южного конца платформы и стала делать Горацию Эдди знаки, которые тот не понял. Тогда Хонто рассердилась и уж хотела уходить, когда *раздался из «кабинета» дребезжащий голос мрс Итон*, который объяснил нам, что «скуòу Хонто хочет курить». Я набил свою собственную трубку и передал ее Горацио, который, закурив ее, поднес призраку; после чего глазам нашим представилось необычайное зрелище материализованного духа с того света, прохаживающегося взад и вперед и выпускавшего целые облака дыма из трубки; Хонто курила с таким очевидным удовольствием и так усердно потягивала, что табак трещал и искрился, освещая ярким заревом темно-медный цвет лица индианки и обрисовывая всякий раз очень ясно все черты ее оригинальной физиономии. Увы! куда отлетели после этого все наши поэтические фантазии о воздушных призраках, белоснежных одеяниях, легкокрылых сильфах и золотых арфах – перед нами стояла курящая трубку индианка, призрак, правда, но призрак, совершенно схожий чертами лица, цветом кожи и костюмом с типом, столь знакомым нам в ее живых[33] соотечественниках и не напоминающий нам ровно ничем более остальных сидящих в комнате женщин, следивших за ней в немом изумлении, в своем бестелесном, духовном состоянии.[34]

За Хонто появилась другая индианка в этот вечер, никому незнакомая личность, но которая всё указывала на сидящую позади зрителей даму-медиума. Она была очень малого роста, не выше пяти футов[35] и гораздо темнее в лице, нежели Хонто. На ней была синяя верхняя одежда, вся вышитая бусами и стеклярусом[36], которые так и звенели при каждом ее движении. Мокасины на ее маленьких ногах были очень красивы, а волосы ее, черные как вороновое крыло, были распущены роскошными волнами по спине.

[33] Далее зачеркнуто: ее.

[34] Далее в рукописи вклеен рисунок из газеты «The Daily Graphic» (1874, 10 ноября) (см. рис. 1) с подписью Е.П.Блаватской внизу «Курящая скуòу-призрак»; подпись внизу рисунка: «The Smoking Squaw» («Курящая скво»).

[35] 1,52 м.

[36] Стеклярус – стеклянные цилиндрики удлиненной формы с продольным отверстием для нити.

Мрс Р*** снова была посещена умершим сыном своим, и на вопрос ее: «Счастлив ли ты теперь, сын мой?», дух отвечал во всеуслышание: «Счастлив, матушка, очень счастлив». Что слова эти не были следствием чревовещательства со стороны медиума, то за это я вполне ручаюсь. Губы призрака двигались очень естественно, произнося их, и мать узнала голос его.

1

Теперь не угодно ли будет читателю вернуться немного назад и принять во внимание то, что, быть может, он и не заметил: пока Хонто находилась на платформе, изъявляя желание курить, другой, *не ее*, голос раздался из «кабинета», в то время как она стояла к нему спиной и находилась на самом отдаленном краю от него. Так как мы уже, надеюсь, доказали со всей строгостью, требуемой законом, что у Уиллиама Эдди нет и *не* может быть соучастников при настоящих условиях сеанса, то гг. скептикам остается выбирать любое: или же согласиться с тем, что медиум и Хонто два совершенно отдельных существа, или же объяснить, каким образом мог раздаться голос из места, в котором было физически невозможно находиться в это время кому-либо другому.

Еще одно обстоятельство, о котором я забыл упомянуть в свое время, именно: всякий раз,[37] как Хонто, сфабриковав несколько шалей из атмосферы и показав их публике, берет их все в охапку и несет в «кабинет», то она не *бросает* их за занавес, но видимо *передает их кому-то*. Кто эта невидимая личность, мы не знаем, так как никто никогда не замечал даже протянутой руки, хотя занавес приподымается Хонто довольно небрежно и распахнут очень широко в это время. Жесты ее в продолжение этого действия так естественны и так мало рассчитаны для обращения на себя внимания, что я видел Хонто, передающую эти платки за занавес раз двенадцать, по крайней мере, прежде, нежели сообразил, что этот факт заслуживает вполне, чтобы его оценили как одно

[37] Далее зачеркнуто: что.

из лучших доказательств невинности *обвиняемого*, каким является, конечно, в глазах всех медиум Уиллиам Эдди.

Еще более поразительным доказательством, что фигуры призраков не суть Уиллиам, является факт, подтвержденный под присягой и подписанный пятерыми очевидцами под формальным свидетельством, который и списываю здесь:

«Рутландский суд (Country Court[38]).
21 октября 1874 [года].

Мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем нашей подписью, что на сеансе, даваемом в новой зале в доме у братьев Эдди в вечер 28 апреля 1874 г. случилось между прочими странными явлениями следующее обстоятельство, которое решило разом все наши сомнения и подозрения на счет медиума и достоверности материализаций духов, пользующихся его силою: Сантум, явившись из “кабинета”, прохаживался по платформе, когда другой индеец, еще громаднее Сантума, если то возможно, вышел также из занавеса, и оба, не обращая друг на друга внимания, стали спокойно расхаживать взад и вперед. Сантум удалился первым, а незнакомец пошел за ним вслед. В то самое время как оба призрака прогуливались молча, в “кабинете” шел оживленный громкий спор между Джорджем Диксом, духом матроса, Майским Цветком, девочкой-призраком, старым мр’ом Морсом и мрс Итон, директрисой духов. Они ссорились, и голоса всех четверых духов раздавались чрезвычайно отчетливо и громко.

В тот самый день утром мы все помогали чистить “кабинет”, в котором еще не было тогда окна и который только что выбелили; мы заходили в него все и за минуту до начала сеанса, и вполне уверены, что так как мы караулили дверь до той самой минуты, пока в него [не] вошел медиум, то в оном “кабинете” не было ни кого, кроме Уиллиама Эдди, который не мог говорить и спорить,[39] представляя четырех особ, даже если бы он и обладал даром чревовещательства.

В удостоверении чего подписываются собственноручно:

Р.Ходжсон, доктор мед[ицины], Стонегэм[40], Масс[ачусетс].
Жорж Ральф[41], Утика, Н[ью]-Й[орк].
Серей А.Элей, Албани, Н[ью]-Й[орк].
Кора С.Элей[42], т[ам] ж[е].
В.Гермон, Рутланд».

Заметьте пункты, доказанные подобным свидетельством, который, по-моему, лучший для нас документ: 1. Два индейца-великана (т.е. призраки их) показываются оба в одно время на платформе; 2. Разговор[43] в *четыре* голоса раздается в тот же момент в «кабинете» и продолжается, пока индейцы на виду у всех; 3. В «кабинете» не было еще пробито окно в то время, так как сеанс происходил в апреле, а окошко было открыто только в июле, когда жара сделалась до такой степени невыносимой, что медиума иногда находили в обмороке в этом крошечном душном чуланчике.

На следующий вечер я видел более духов, нежели в какой-либо[44] другой сеанс. Их вышло *семнадцать* и все белые. Двое детей; три подростка; женщин молодых и старых пять; и мужчин семь. Теория, проповедующая об обманчивых детских фигурах, представленных из белых тряпок, обвитых вокруг ног медиума[45], была разрушена в тот вечер окончательно, так как самое малое из

[38] суд округа (*англ.*).
[39] Далее зачеркнуто: но.
[40] R.Hodgson, Стоунхем (Stoneham).
[41] George Ralph.
[42] Sarah A.Ehle, Cora C.Ehle.
[43] Далее зачеркнуто: между.
[44] Далее зачеркнуто: в.
[45] Такую же несуразность утверждал в своей статье и Дж. Бирд: «В этой темноте из пары ботинок, чего-то подобного шали и носового платка можно было соорудить любое количество детей всех возрастов».

детей-призраков подошло совсем близко к перилам платформы и, высунув личико промежду колонн, поклонилось и закивало матери головой в ответ на ее приветствие.

Мистер Притчард, который сидел возле меня в этот вечер в первом ряду, был неожиданно вызван разбитым голосом мрс Итон на платформу «для свидания, как выразилась старушка-призрак, с родственниками, желающими обнять дядю». Когда мр Притчард взошел на платформу, из-за занавеса показались оба его племянника, мужчины лет 28 и 30. Первым вышел[46] Честер Пэкард, старший брат, и горячо приветствовал дядю, взяв его за обе руки и говоря с ним вполголоса. За ним явился младший брат его, который долго обнимал и целовал Притчарда, жал ему руки и говорил с ним громко, положив ему руку на правое плечо.

THE SPIRIT "CHESTER PACKARD" SHAKING HANDS WITH HIS UNCLE.

Дух "Честеръ Пэкардъ" приветствуетъ своего дядю, Притчарда.

2

К концу вечера мрс Итон объявила нам через дверь, что Уиллиам проходил в это время через процесс[47] развития для нового вида феномена, который должен окончательно поразить и убедить скептиков, как и весь остальной мир.

В моей записной книжке я нахожу заметку о необыкновенном в тот день стечении посетителей к братьям Эдди, приехавших со всех сторон штатов, некоторые из них из весьма отдаленных мест, и которых медиумы весьма бесцеремонно отправили назад, несмотря на все их просьбы и предложения заплатить что угодно лишь бы им было дозволено присутствовать на сеансе. Я видел хорошо известных, уважаемых людей, которые приезжали из-за тысячи миль, тратя время и деньги, принося часто этим большой ущерб своему карману и собственному интересу только из одной надежды увидать хоть мельком дорогих сердцу их усопших на платформе и принужденных отправляться назад, увидав одну наружную дверь дома Эдди. Во всяком обыкновенном случае подобная неприятность чувствительна каждому, но особам, у которых сердце облито кровью от совершенно еще свежих ран, горечь такого обманутого ожидания должна казаться невыносимой. Вся симпатия моя невольно сосредотачивалась на иных бедных, одетых в глубокий траур женщинах, грустный взгляд которых не мог, казалось, оторваться от этого таинственного крыльца во всё время, пока кучера поворачивали головы лошадей в обратный путь к Рутланду. В такие минуты я чувствовал глубокое сожаление, что судьба не одарила меня миллионами, дав мне возможность купить эту старую ферму, назначить

[46] Далее в рукописи вклеен рисунок из газеты «The Daily Graphic» (1874, 10 ноября) (см. рис. 2) с подписью Е.П.Блаватской внизу «Дух Чэстера Пэкарда приветствует своего дядю Притчарда»; подпись внизу рисунка: «The Spirit Chester Packard shaking hands with his Uncle» («Дух Честера Паккарда пожимает руки своему дяде»).

[47] Далее зачеркнуто: нового.

братьям Эдди пожизненный доход и выстроить залу сеансов, как и приличное помещение для всех «угнетенных скорбью»[48] и осиротевших мира сего. Но что могут сделать эти медиумы? Как помочь горю? Их ветхий дом вмещает в себя не более десятков двух посетителей, даже и в таком случае, когда они соглашаются быть стесненными выше всякого описания! Братья были вынужденными завести раз навсегда самые строгие правила для подобных посетителей. Если народ, несмотря на частые предупреждения в газетах, станет продолжать приезжать, не уверясь заранее в возможности быть принятыми в дом, из Мичигана и[49] Миннесоты, из Кентукки, как из Южной Каролины, то неприятность быть отосланными по приезде *вспять* будет собственной их виной и вся ответственность ляжет на них самих. Лучшие из моих личных хороших друзей[50] подверглись подобному отказу, и я, чувствуя, что Эдди были правы, был принужден молчать. Главным из всех доказанных в пользу медиумов фактов является то странное обстоятельство, что чаще всего там, где люди богатые и уважаемые получают отказ, ободранные бедняки приняты по приказанию «самих духов» и остаются «на хлебах» у медиумов по целым неделям. Я совершенно согласен с ними в их желании постановить правилом, чтобы никто из приезжающих не был принят на менее как целую неделю[51], и не только оправдываю в них подобное решение, но даже поощряю его. Все журналы, позволяющие себе доселе самые несправедливые нападки и клеветы на Эдди, бывали вводимы в заблуждение статьями, якобы «открывших всю штуку» господ, забежавших мимоходом в Читтенден на один, много два дня, не успевших ни видеть, ни сообразить ничего порядочно и затем выливавших всю желчь своего разочарования в ожидаемых ими архангелов с золотыми крыльями на несчастных, неповинных медиумов. Другим аргументом в пользу необходимости такого правила является неуверенность, даже совершенная неизвестность, как самих медиумов, так и духов их, будут ли иметь возможность посетители в первый же вечер приезда их и вообще в такое короткое время увидать желаемых ими друзей и родственников? Я часто бывал очевидцем того, что это случалось и так, но весьма редко, и большей частью люди, остающиеся всего два-три дня, уезжают разочарованными и начинают подозревать добросовестность медиумов. Если бы нам была предоставлена власть, подобно Саулу с тенью Самуила[52], вызывать *ad libitum*[53] кого угодно из усопших милых, то тогда дело пошло бы иначе, но при настоящих условиях посещения в материализованном образе наших близких умерших очевидно завися от законов, над которыми ни мы, ни медиумы не имеем никакого влияния. Что касается до меня самого, то ввиду совершенной неуверенности в действительности личностей, представляемых духами, как и в невозможности определить до сей поры границу власти этих загробных фокусников вводить все наши чувства в заблуждение, я сознаюсь откровенно, что для меня не столько важен вопрос о том, удостоит ли меня своим посещением такой-то или другой дух, как то, что дух всякого жившего когда-либо на земле человека бессмертен и поэтому имеет возможность доказать нам свое бессмертие, бесцеремонно ломая стену, отделявшую доселе наш маленький мир от другого таинственного мира. Одним словом, если только эти феномены успеют доказать нам факт великого вопроса о «бессмертии души» решенным, то я первый объявляю себя довольным и стану ждать весело того неизбежного для всех смертных часа, когда разрешается наконец вся проблема жизни, и завеса, раздираясь надвое, открывает перед нашим ослепленным взором страну, утопающую в лучах и сиянии божественной истины!

[48] См.: «И будет Господь прибежищем угнетенному, прибежищем во времена скорби» (Пс. 9, 10).

[49] Далее зачеркнуто: ли.

[50] Далее зачеркнуто: и родственников.

[51] Далее зачеркнуто: к ним.

[52] Речь идет об Аэндорской волшебнице, вызвавшей по просьбе царя Саула накануне решающей битвы дух покойного пророка Самуила для предсказания судьбы (1Цар. 28).

[53] по желанию (лат.).